

А.Э. Зайнутдинов

**СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЗЕРКАЛЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА***

A. Zainutdinov

**SIBERIAN IDENTITY IN THE MIRROR
OF THE CIVILIZATIONAL ANALYSIS**

В статье анализируются различные подходы цивилизационного анализа в социологии. На основе переосмысления концепций Ш. Эйзенштадта и Дж. Пола происходит обращение к феномену сибирской идентичности. Показана динамика сибирской идентичности с начала ее первого концептуального выражения сибирскими областниками в середине XIX в. до настоящего времени. Предлагается концептуальное разделение региональной и цивилизационной идентичностей, дан анализ конструирования цивилизационной идентичности Сибири в исторической перспективе.

In the paper it is given an exploration of different approaches of the civilizational analysis in sociology. On the reconstruction of S. Eisenstadt and J. Pohl theories we deal with phenomena of Siberian identity. The article shows dynamics of Siberian identity from its first conceptional manifestation in the middle of XIX until contemporary period. In the article regional identity is separated from civilizational identity and there is given analysis of constructing civilizational identity of Siberia in historical perspective.

Ключевые слова: Сибирь, цивилизационная идентичность Сибири, сибирская идентичность, сибиряк, сибирское областничество.

Keywords: Siberia, Siberian identity, civilizational identity of Siberia, Siberian, Siberian regionalism.

Тема цивилизации и цивилизационных идентичностей становится все более востребованной в последние несколько десятилетий: можно говорить о цивилизационном повороте в социологии. Ключевым вопросом цивилизацион-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Трансформация цивилизационной идентичности современного российского общества»), проект № 10-03-00840а.

ного анализа в социологии стал вопрос о соотношении культуры и власти. В рамках цивилизационного анализа выделяется несколько подходов, в зависимости от которых изменяется ключевое понятие цивилизации. Так, Дж. О'Хаган выделяет два тренда в использовании термина «цивилизация». В рамках первого тренда цивилизационный анализ применяется как способ исследования интересов и идентичности. Термин «цивилизация» понимается во множественном смысле для определения и различения политических и культурных объединений, их связей и характеристик и возможного взаимодействия на основании идентичностей. К этому тренду относятся работы, где используются понятия «восточная», «западная» или «исламская» цивилизации. В рамках этого тренда находится работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (Huntington 1996). Сюда же примыкают теории А. Тойнби и Н.Я. Данилевского. Хантингтон понимает цивилизацию как наивысшее культурное образование людей и широчайший уровень культурной идентификации людей, который отделяет людей от других видов. Цивилизация — это самое большое «Мы», внутри которого мы чувствуем себя дома, как отличные от всех других (Huntington 1996: 43). По мнению С. Хантингтона, цивилизационная идентичность — центральная организующая предпосылка, которая ориентирует в мире и задает установки (О'Хаган 2007: 22).

В рамках второго тренда цивилизационный анализ используется для объяснения или понимания концептов управления. Термин «цивилизация» понимается в единичном смысле и неразрывно связан с идеей прогресса в различных сферах жизни общества, с изменением социальных институтов и практик. Цивилизация в этом смысле интерпретируется как универсальный концепт, который связан не только с производством материалов и социальным улучшением, но и с накоплением этих процессов (Bowden 2004). Для этого подхода характерно нормативное понимание цивилизации, которое задает и оценивает уровень развития общества, а также концепцию эффективного управления.

В данной работе в качестве ключевого используется понятие «цивилизационный процесс». Цивилизационный процесс — это глобальный универсальный процесс изменения и развития, в который разные общества включаются определенным образом. Данное определение близко к пониманию цивилизации Боудена, однако позволяет избежать нормативности в понимании и привязки к неким «стандартам цивилизации», поскольку в едином цивилизационном процессе разные общества образуют разные формы социокультурной жизнедеятельности. Можно сказать, что единый цивилизационный процесс преломляется через различные культуры, распадаясь на множество форм или модерностей (модерных обществ) в смысле Эйзенштадта. Ш. Эйзенштадт в своей теории утверждает, что в ходе исторического процесса сформировались различные виды модерностей или модерных обществ, которые имеют не только общие характеристики, но и различные культурные программы (Eisenstadt 1998).

Другая центральная категория цивилизационного анализа — категория идентичности. В зависимости от уровня рассмотрения выделяют цивилизационную, региональную, личную, национальную и другие идентичности. В со-

циальных науках сложилось два подхода к пониманию природы любой социальной идентичности: эссенциалистский и конструктивистский. Согласно эссенциалистскому подходу, в формировании идентичности проявляются объективные характеристики реальности, т. е. конкретная идентичность берет свое начало в объективной реальности. «Эссенциализму присущ объективизм, натурализм и эмпиризм как онтологические и гносеологические предпосылки» (Коржов 2010: 118). Наиболее ярко эта модель представлена в работах, касающихся исследования национальной идентичности.

С точки зрения конструктивизма, социальная идентичность это результат конструирования в ходе освоения личностью реальности. Такой подход, которого, в частности, придерживаются М. Кастельс, Дж. Пол, Ш. Эйзенштадт, нам представляется более продуктивным для цивилизационного анализа. Эйзенштадт считает, что идентичность появляется как следствие социальных интеракций. В этом смысле наличие Другого принципиально необходимо для конструирования идентичности на любом уровне. Идентичность, по выражению Мануэля Кастельса, — это источник смысла и опыта людей (Castells 2010: 6). Кастельс понимает идентичность социального субъекта как процесс конструирования смысла на основе культурного атрибута или набора культурных атрибутов, которому дан приоритет над другими источниками смысла (Ibid). Кастельс утверждает, что из социологической перспективы все идентичности конструируются, однако реальный вопрос в том, как, из чего, кем и для чего. В конструировании идентичности используется материал из истории, географии, биологии, продуктивных и репродуктивных институтов, коллективной памяти и персональных фантазий, из институтов власти и религиозных отношений (Ibid: 7). Соответственно, при изучении конкретной идентичности необходимо обращение к тому материалу, на основании которого идентичность возникла.

Как пишет Дж. Пол, если концепт «идентичность» связан с вопросом «Кто Я?», то местная идентичность и региональная идентичность связаны с вопросами «Где Я?», и, в некоторых случаях, «Откуда я?» и «Где мое место?» (Pohl 2001: 12917). Как отмечает Пол, феномен региональной идентичности имеет различные масштабы, он распространяется от дома до геополитического образования, от самосознания до встраивания в процессы глобализации. Пол считает, что региональная идентичность — это часть персональной идентичности, и образуется она вследствие связи индивида с регионом. Региональная идентичность служит объективным и относительно устойчивым источником ориентации в поведении индивида (Ibid). По мнению Пола, как персональная, так и региональная идентичность не существуют сами по себе, а конструируются и постоянно реконструируются в результате социальных интеракций, поэтому между индивидом и окружающей средой существует тесная связь. Региональная идентичность является групповой, поскольку она определяет не только связь индивида с регионом, но и включение индивида в сообщество носителей данной идентичности.

Исходный материал для развития региональной идентичности — индивидуальный опыт, социальное пространство и социальные взаимодействия,

культуры, ландшафт, история региона и история данной региональной идентичности. Таким образом, Пол также утверждает тесное отношение региональной идентичности и исторического процесса. Дж. Пол замечает, что региональная идентичность отличается от локализма, национализма, патриотизма или регионализма, поскольку региональная идентичность — это культурный, социальный и психологический феномен, но не политический (Ibid: 12918). При этом, хотя между конкретным регионом и региональной идентичностью должна быть связь, регион как географическое понятие и территориальные границы распространения одинаковой региональной идентичности могут не совпадать.

Пол пишет, что для понимания региональной идентичности особый интерес представляют два утверждения: первое, должна существовать реальная предпосылка для возникновения регионального сообщества (язык, религия, происхождение), при этом просто веры в силу этой предпосылки достаточно для формирования сообщества; второе, для конструирования региональной идентичности нет необходимости в соприсутствии индивидов, достаточно чувства общности. (Ibid: 12920).

Необходимо развести понятия «цивилизационная идентичность» и «региональная идентичность». Цивилизационная идентичность понимается как идентичность, вырабатываемая в ходе цивилизационного процесса по отношению как к нему самому, так и к другим участникам этого процесса. Цивилизационная идентичность более обширное понятие, чем региональная идентичность, и включает ее в себя как компонент. Цивилизационная идентичность — это макроидентичность участника цивилизационного процесса, включающая в себя историческую перспективу. Региональная идентичность «работает» на уровне региональных отношений, тогда как цивилизационная идентичность выходит на уровень глобальных отношений.

Заметим, что по поводу социальной идентичности в западной теории существует жесткая критика. Так, Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер считают, что в настоящее время налицо кризис идентичности, поскольку понятие «идентичность» употребляется в слишком многих значениях и потеряло смысл. Понятие «идентичность», по их мнению, может использоваться в сильном значении (когда оно подчеркивает некие характеристики на протяжении определенного времени и делаются отсылки к эссенциализму) и в слабом (когда подчеркивается нестабильность, многогранность и сконструированность идентичности в рамках конструктивизма). Они предлагают вместо понятия «идентичность» использовать другие понятия, такие как идентификация, самопонимание и групповая принадлежность (Брубейкер, Купер 2002). Отчасти можно согласиться с такой критикой, однако нам представляется, что понятие «идентичность» имеет право на существование и необходимо в научном языке. Идентификация — это процесс, в ходе которого идентичность и вырабатывается, самопонимание имеет слишком рефлексивную окраску, а групповая принадлежность не выражает необходимого нам смысла и относится к ролевой теории.

В рамках цивилизационного анализа возникает вопрос о цивилизационной идентичности как всей России, так и в Сибири, в частности. Заметим, что бла-

госостояние всей России в значительной мере зависит от Сибири. Так, в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» от 5 июля 2010 г. говорится: «Сибирь, являясь ресурсной кладовой России и всего мира, располагает крупными запасами углеводородного сырья, угля, урана, черных, цветных и драгоценных металлов, древесины, водных и гидроэнергетических ресурсов. Запасы угля составляют 80 процентов общероссийских запасов, меди — 70 процентов, никеля — 68 процентов, свинца — 86 процентов, цинка — 77 процентов, молибдена — 82 процента, золота — 41 процент, металлов платиновой группы — 99 процентов, гидроэнергетических ресурсов и запасов древесины — более 50 процентов. Все большее значение приобретают запасы пресной воды. Крупные сибирские реки и озеро Байкал становятся стратегическим ресурсом планетарного масштаба. Не меньшее значение будет иметь ресурс свободных территорий, экологически чистых, не подверженных природным катаклизмам и пригодных для жизни людей и экономической деятельности. Глобальные изменения климата будут только повышать ценность этого ресурса» (Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года). Роль Сибири на мировой арене, таким образом, возрастает.

Кроме того, важнейшие предпосылки успешного цивилизационного развития всей России — историческое наследие Сибири, этническое и культурное разнообразие, а также сибирское геополитическое пространство, открывающее выход в Азию и на Дальний Восток. Можно говорить о научно-техническом и научно-образовательном потенциале Сибири. В рамках процесса глобализации Сибирь приобретает мировое значение. При этом наряду с процессами глобализации идут и процессы регионализации как неизбежная реакция на вызовы глобализма (Межевич <http://dvo.sut.ru>). В результате переплетения процессов глобализации и регионализации конструируются региональные идентичности. Кроме того, регионы сегодня являются субъектами мировых отношений, глобального цивилизационного процесса, в ходе встраивания в который конструируются цивилизационные идентичности. Таким образом, сегодня регионы предстают как сложные многоуровневые образования, имеющие идентичности разного уровня.

Сибирская идентичность сложилась исторически в ходе присоединения ее к Российской империи. Первыми об особой сибирской идентичности, собственном пути развития, роли в общероссийской и мировой истории стали говорить сибирские областники во второй половине XIX в. Сибирское областничество — это общественно-политическое движение регионалистского толка части интеллигенции Сибири второй половины XIX — начала XX в. Предшественниками областничества можно считать П.А. Словцова, А.П. Шапова, лидеры движения Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков. Кроме того, в движении областничества свою роль сыграли Н.С. Щукин, братья Ф.Н. и П.С. Усовы, А.Д. Шайтанов, А.Е. Золотин, И.В. Федоров-Омулевский и др. Сибирские областники, изучая цивилизационное пространство Сибири, сформулировали концепцию Сибири как колонии и программу комплексного развития Сибири. Центральным трудом, обосновывающим программу областников, стала работа Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония» (Ядринцев 1892).

Сибирские областники впервые во второй половине XIX в. в полной мере поставили вопрос о сибирской особости. Основоположник областничества Н.М. Ядринцев считал, что Сибирь в отличие от других колоний занимает уникальное географическое положение, которое обуславливает ее роль в будущем мировом цивилизационном процессе, а именно, это положение между Востоком и Западом, Азией и Европой. По мнению Н.М. Ядринцева, это ее особое положение определяет статус Сибири как истинного места встречи двух цивилизаций. «Сибирь исторически находится на столкновении и пересечении двух колонизационных волн, идущих одна на Восток, другая на Запад. Сибирь — это особый социокультурный мир. Понять и осознать собственную самобытность перед лицом других культур и народов — в этом, по мнению Н.М. Ядринцева, и была главная задача сибирского самопознания» (Емельянова 2004: 74).

По мнению Н.М. Ядринцева, самобытность Сибири заключается в том, что ее путь не есть чисто восточный или западный. Именно на ее территории происходит настоящий синтез этих двух форм цивилизационного развития, поэтому Сибирь имеет значение для всего человечества. Таким образом, важнейшим компонентом сибирской особости (сегодня мы бы сказали, сибирской идентичности) является ее геополитическое положение. На территории Сибири происходит смешение русского этноса с аборигенными народами, что является мощным обособляющим фактором и компонентом сибирской идентичности.

Для сибирской региональной идентичности первостепенное значение имеет ее соотнесение с Европейской Россией, поскольку ее важнейшая задача — демаркация Сибири от Европейской России. Кроме того, по мнению ученого, важно и определение Сибири в схеме «Восток-Запад» как место синтеза двух форм цивилизационного развития. Для осуществления своей исторической задачи и для дальнейшего развития самосознания необходимо наличие собственной интеллигенции в Сибири, поскольку только местная интеллигенция может по-настоящему любить свой край и быть выразителем его интересов.

Заметим, что Н.М. Ядринцев обращал внимание на все элементы региональной идентичности, выделяемые Дж. Полом. Н.М. Ядринцев считал Сибирь колонией в экономическом и политическом смысле. Ее геополитическое положение вкупе с экономическим статусом создают условия для обособления и выработки регионального самосознания. Особый климат, природная среда способствуют изменению быта русских переселенцев, а в более длительном измерении — выработке сибирского диалекта, изменению этнического типа. Н.М. Ядринцев конструировал образ сибирской региональной идентичности главным образом на экономическом, геополитическом, природно-географическом, культурно-хозяйственном, этнографическом и религиозном базисе.

Н.М. Ядринцев в своих работах конструировал как цивилизационную идентичность Сибири, обращаясь к моделям определения Сибири в мировом цивилизационном процессе, так и региональную сибирскую идентичность, соотнося Сибирь с Европейской Россией. Таким образом, он рассматривал Сибирь в двух аспектах: в соотношении «Сибирь — Россия» и «Сибирь — весь мир», рассматривая ее через схему «Восток — Запад».

Другой важный компонент конструирования сибирской региональной идентичности — феномен сибиряка. К исследованию этого феномена с научной точки зрения впервые обратился предшественник областничества А.П. Шапов в цикле своих работ, посвященных Сибири. В частности, данный вопрос рассматривается в работе «Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении» (Шапов 1937). Рассмотрение данного вопроса продолжили областники. В тезисном виде вопрос о сибиряках можно изложить следующим образом. Еще до колонизации русскими на территории Сибири проживало множество коренных народов: сибирские татары, остяки, вогулы, зыряне, якуты, буряты и многие другие. Большинство этих племен вело кочевой образ жизни, некоторые занимались и земледелием, например, татары. Таким образом, в Сибири на протяжении многих веков складывалась собственная культурная жизнь, и к моменту появления русских в ней уже существовал свой самобытный социокультурный мир. После появления русских началось смешение индигенных народов Сибири и русского этноса. В результате этого смешения и образовался особый тип сибиряка.

Хотя сибиряка как этнического типа в настоящее время не существует и не существовало ранее, вопреки утверждениям А.П. Шапова и областников о формировании такого типа, основания для выделения особенностей сибирского населения имеются. Различия сибиряков и жителей европейской части страны в настоящее время находятся скорее в сфере менталитета и приспособления к жизни, чем в фенотипе или генотипе. Общее самоназвание и наличие каких-то общих черт дает основания для образования групповой идентичности. Таким образом, утверждение «мы сибиряки» имеет большое значение в том случае, если даже в реальности отличия сибиряков от других жителей страны минимальны или вообще отсутствуют. Общее самоназвание обладает объединяющей силой и служит фактором единения Сибири и компонентом конструирования сибирской региональной и цивилизационной идентичностей.

По мнению крупного современного исследователя сибирства А.О. Бороноева, сибирская идентичность начала формироваться в конце XVII в., когда возникло понятие «сибирянина», сибиряка (Бороноев 2010). А.О. Бороноев выделяет три этапа в становлении сибирской идентичности. Первый этап связан с ее возникновением в XVII в., второй — с ростом городских центров и развитием социально-культурной и экономической жизни в Сибири в конце XVIII в., третий этап, когда происходит окончательное формирование сибирской идентичности — это XIX в. Он связан с ростом населения, особенно старожилов-сибиряков, возникновением самосознания сибирского общества. А.О. Бороноев рассматривает, в частности, движение сибирского областничества как результат формирования сибирской идентичности: «Сибирское областническое движение было результатом уже сложившейся идентичности сибиряков и послужило важным фактором дальнейшего развития сибирской территориальной общности» (Бороноев 2010: 83).

Сибирская идентичность формировалась в процессе интеграции Сибири в состав России, поэтому в качестве бинарной оппозиции в сибирской региональной идентичности выступает в первую очередь Европейская Россия, обра-

зую соотношение «Сибирь-Россия». Сибирские областники говорили также об отношении «Сибирь-Европа-Азия» или «Сибирь-Запад-Восток», выходя на цивилизационную идентичность Сибири.

Таким образом, можно выделить следующие компоненты конструирования сибирской цивилизационной идентичности:

- 1) положение Сибири в смысловом пространстве «Запад-Восток»;
- 2) соотношение Сибири с Европейской Россией;
- 3) формирование типа сибиряка как типа идентичности жителя Сибири;
- 4) особые природные условия Сибири;
- 5) Сибирь в исторической перспективе как колония России и форпост российского присутствия на Востоке.

Конструирование сибирской региональной идентичности началось еще в конце XVII в., а уже с конца XIX в. можно говорить о конструировании сибирской цивилизационной идентичности, которое продолжается и в настоящее время.

Литература

Бороноев А.О. Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество, среда, развитие. 2010. № 3. С. 81–85.

Бороноев А.О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности / Под ред. А.О. Бороноева. СПб.: Астеррион, 2003.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–120.

Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2004.

Заковоротная М.В. Идентичность человека. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.

Коржов Г. Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли // Социология: теории, методы, маркетинг. 2010. № 1. С. 107–124.

Межевич Н.М. Основные направления региональной политики Российской Федерации [<http://dvo.sut.ru/libr/history/i299mez1/index.htm>]

Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года [http://www.minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/sibir_dev/]

Шапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Шапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск: Восточносиб. обл. изд-во, 1937. С. 83–173.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892.

Bowden B. The Ideal of Civilisation: Its Origins and Socio-Political Character // *Critical Review of International Social and Political Philosophy* 2004. № 7 (1). Pp. 25–50.

Castells M. The power of identity (The information age: economy, society, and culture). 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2010.

Eisenstadt S. Modernity and the construction of collective identities // *International Journal of Comparative Sociology*. 1998. Vol. 39. No 1. Pp. 138–158.

Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа

Hall M., Jackson P.T. Introduction: Civilizations and International Relations Theory // Civilizational Identity: The Production and Reproduction of “Civilizations” in International Relations / Ed. by M. Hall and P. T. Jackson. New York, 2007. Pp. 15–33.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

O'Hagan J. Discourses of Civilizational Identity // Civilizational Identity: The Production and Reproduction of “Civilizations” in International Relations / Ed. by M. Hall and P. T. Jackson. New York, 2007. Pp. 15–33.

Pohl J. Regional Identity // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Ed. by N. Smelser. London: Elsevier, 2001. Pp. 12917–12922.